

День выдался не базарный, поэтому на улицах уездного города было непривычно просторно. Тао Цинъюй шел, ведя за руки близнецов, а Цинцзя старался не отставать от Циншу.

Лотки с танхулу, причудливые сахарные фигурки, всевозможные сладости и цукаты — всё это так и притягивало взгляды детей. Шаги их невольно замедлялись перед каждой лавкой, торгующей чем-то сладким.

— Если захотите, на обратном пути обязательно что-нибудь купим, — пообещал юноша, заметив их горящие глаза.

Цинъя и Цинмяо дружно сглотнули слюну и, синхронно задрав головы, хором спросили:

— Юй-гээр, а куда мы идем?

Цинъюй скользнул взглядом по их одежде. Перед выходом дядя Сяо Цзинь достал их лучшие наряды, но даже эта «лучшая» одежда была лишь застиранной добела тканью с чуть меньшим количеством латок, чем обычно. Семья Тао привыкла экономить на всём, на чём только можно. Одежда, из которой вырастал Цинъюй, переходила к Циншу, от него — к Цинцзя, а младшим близнецам и вовсе доставались вещи, послужившие уже двум-трем поколениям братьев.

Раньше юноша, выручая деньги за рыбу, привозил младшим сладости, но о новой одежде и речи не шло. Теперь же, когда у него на руках оказалась приличная сумма, да еще и под Новый год, пришло самое время обновить гардероб.

— Пойдем за новой одеждой, — ответил он, крепче сжав ладошки малышей.

— Брат, это же дорого, — робко возразил Циншу.

— Значит, купим ткань. Выберите себе тот цвет, который понравится. И не вздумай сокрушаться о серебре — у твоего старшего брата теперь водятся деньги.

Циншу открыл было рот, чтобы возразить, но Цинъюй сурово оборвал его:

— Циншу, даже не начинай.

— Хорошо, — покорно отозвался тот, опустив голову.

Лавок с тканями в уезде было предостаточно, но Тао Цинъюй направился напрямик к той, где они отоваривались годами. Она располагалась на улице перед уездным управлением. Если

свернуть с главной дороги, миновать рыбные и мясные ряды и на следующем перекрестке повернуть на запад — там и находились все мануфактуры и швейные мастерские города.

Мануфактура «Цзиньсю», куда они пришли, сама занималась крашением тканей, поэтому цены здесь были заметно ниже, чем у перекупщиков. Владельцы дорожили своей репутацией и работали в основном для простого люда, предлагая добротное полотно и хлопок по разумным ценам.

Малыши, никогда прежде не бывавшие в столь больших лавках, оробели перед внушительным фасадом и поспешили спрятаться за спину старшего брата.

— О, неужели это Хозяин Сяо Юй?

Из-за груды рулонов ткани показалась статная женщина в нарядном платье, чьи волосы украшала серебряная шпилька.

— Хозяйка Хуа, — с улыбкой поприветствовал её юноша. — Скоро праздник, вот я и пришел поддержать ваше дело.

Хозяйка Хуа, женщина лет тридцати-сорока, заправляла лавкой вместе с мужем. Она была вся в делах, готовясь к предпраздничной распродаже, и на её лбу выступили мелкие капельки пота.

Покупателей в этот час было немного, поэтому Цинъюй сразу подтолкнул к ней близнецов:

— Нужно подобрать этим сорванцам хороший хлопок на праздничные наряды.

— Вон там, погляди, — указала она на один из прилавков. — Весь хлопок собран в том углу, выбирайте на свой вкус.

— Хорошо, не смею вас больше задерживать.

Стоило хозяйке отойти, как юноша обернулся к братьям:

— Ну, ступайте, посмотрите, что вам по душе.

Четверо детей уставились на него круглыми, как у щенят, глазами. Цинъюй по очереди потрепал каждого по голове.

— Ну же, не бойтесь. Я буду здесь, рядом.

Цинцзя, решительно сжав кулачки, первым шагнул к прилавку, а близнецы хвостиком потянулись за ним.

— Циншу, ты тоже иди, — скомандовал Цинъюй.

— Мне-то незачем...

— Иди, — он легонько подтолкнул брата в спину.

Циншу, не ожидавший такого напора, даже покачнулся — рука у брата была на удивление крепкой. Понимая, что спорить бесполезно, он послушно поплелся к остальным. Перед родителями он старался казаться взрослым и серьезным, будущим главой семьи, но для Цинъюя он навсегда оставался младшим братишкой. Именно старший брат нянчил его в детстве, пока взрослые пропадали в поле.

Оставшись у входа, Цинъюй наблюдал, как братья, поначалу робко касавшиеся тканей, постепенно осмелели. Они сгрудились в кучу, о чем-то оживленно перешептываясь. В основном говорил Цинъя, а остальные лишь засыпали его вопросами.

Всё-таки у гээр'ов чутье на прекрасное было врожденным. Маленький Цинъя, несмотря на возраст, в вопросах красоты явно превосходил Цинцзя и Цинмяо. Он проигнорировал практичные черные и темно-зеленые рулоны, направившись прямоком к изысканным оттенкам «хвои» и «изумрудной зелени».

Цинъюй довольно улыбнулся. Его взгляд зацепился за одну из тканей, и он невольно протянул руку, чтобы ощупать фактуру.

— Этот цвет тебе к лицу, — мягкий мужской голос раздался совсем рядом, но юноша даже не вздрогнул.

Повернув голову, он увидел знакомое лицо и расплылся в улыбке:

— Учитель Фан, снова встретились.

— Да, — Фан Вэньли остановился в шаге от него.

Цинъюй вернул ткань на место.

— У меня одежды в достатке, я себе покупать не буду.

Одного добротного наряда для праздников ему вполне хватало.

Фан Вэньли проводил взглядом его руку. Тонкие запястья и длинные пальцы юноши могли бы быть изящными, если бы не зимние холода, из-за которых кожа на костяшках постоянно краснела и припухала. От этого они казались похожими на молодую морковку — зрелище было по-своему трогательным, хоть и выдавало тяжкий труд.

— Вот незадача! — вдруг спохватился Цинъюй. — Я совсем забыл захватить ваш плащ.

Юноша широко распахнул свои круглые глаза, став похожим на испуганного кота. Заметив его искреннее огорчение, Фан Вэньли едва заметно улыбнулся, но тут же вернул себе бесстрастный вид.

— Это не к спеху.

— Я его уже выстирал, — продолжал сокрушаться Цинъюй. — В следующий раз обязательно принесу.

Фан Вэньли невольно сжал пальцы в кулак и негромко ответил:

— Хорошо.

Пока они беседовали, Циншу, уже выбравший ткань, во все глаза следил за мужчиной, стоявшим рядом со старшим братом. Он легонько ткнул Цинцзя в щеку:

— Знаешь его?

Цинцзя покачал головой:

— В первый раз вижу.

Цинмяо, который был на голову ниже брата, прижался к Цинцзя:

— А он красивый. Такой же красивый, как наш Юй-гээр.

В это время маленький Цинъя, всё еще мучившийся выбором, в нерешительности прикусил палец. Услышав шепот братьев, он топнул ножкой, схватил первый попавшийся рулон и подбежал к ним.

— Ого! Наш гэфу!

— Тсс! Цинъя, не мели чепухи! — зашипел на него Циншу.

Малыш обиженно надул щечки:

— И вовсе не чепуха. Он смотрит на Юй-гээр точь-в-точь так же, как папа смотрит на Младшего папочку.

— Да с чего ты взял!

— А вот и похоже!

Циньюй, заметив их возню, окликнул братьев:

— Ну что, выбрали? О чем вы там шушукаетесь?

Цинъя, как младший гээр в семье, был общим любимцем, а потому отличался детской непосредственностью и смелостью. Он на всех парах подлетел к разговаривающим мужчинам. Оказавшись рядом с Фан Вэньли, он осознал, насколько тот высокий, и в испуге вцепился в подол халата старшего брата.

— Вы — наш гэфу? — прошептал он, глядя на учителя снизу вверх.

Сердце Циньюя пропустило удар. Он поспешно зажал малышу рот ладонью и, склонившись к самому его уху, зашептал:

— Какой еще гэфу? Не вздумай болтать глупости!

Цинъя лишь захлопал своими черными, как виноградины, глазенками.

«Но ведь они так похожи на влюбленных... А, ну конечно! Они же еще не поженились, вот и нельзя так называть»

Малыш, придя к логичному выводу, послушно закивал. Стоило брату убрать руку, как он тут же спросил:

— А если не гэфу, то как тогда звать?

Фан Вэньли на мгновение лишился дара речи от такого обращения. Он опустил взгляд на ребенка и, глядя в его кристально чистые глаза, вдруг ощутил небывалый порыв озорства — искушение, которому не смог противостоять.

Пока Циньюй, стоя спиной к учителю, пытался втолковать брату правила приличия, Фан Вэньли едва заметно улыбнулся мальчику и одними губами, беззвучно, произнес:

— Зови меня гэфу.

Глаза Цинъя радостно заблестели. Он так и знал! Гэфу и есть!

— Зови его Учитель Фан. Он наставник в Академии Сюаньтун, — наставлял брата Цинъюй.

«Значит, гэфу еще и учитель!» — восхитился про себя младший. Его уважение к будущему родственнику возросло до небес.

В это время подошли остальные братья.

— Это Учитель Фан, — представил его Цинъюй.

Услышав, что перед ними ученый муж, дети, исполненные благоговейного трепета, не посмели больше строить догадки. Они чинно поклонились и в один голос поприветствовали его:

— Здравствуйте, Учитель.

Называть его просто «братом» было бы слишком фамильярно, и Цинъюй решил, что это будет самым уместным.

— Выбрали цвета?

— Да, — хором ответили дети.

— Тогда, Учитель Фан, не буду вам мешать, мне нужно расплатиться.

Фан Вэньли слегка кивнул, провожая юношу взглядом. Стоило тому отойти к прилавку, как холодная сдержанность вновь вернулась к учителю. Он посмотрел на ткань, которую недавно присматривал Цинъюй, раздумывая, что из неё выйдет, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за край одежды.

Опустив голову, он увидел Цинъя, который таинственно манил его рукой. Остальные трое братьев застыли поодаль, с любопытством и опаской наблюдая за ними. Понимая, что малец хочет что-то сказать, учитель слегка наклонился.

— Гэфу... — пролепетал тот.

Этот тонкий голосок отозвался в сердце Фан Вэньли небывалой сладостью.

— При людях так называть меня не след, — тихо проговорил он. — Это может повредить доброму имени твоего старшего брата.

— Значит, когда вы на нем женитесь, уже будет можно? — не унимался Цинъя.

Циншу вздрогнул. Как можно задавать такие вопросы незнакомому человеку? Он порывался оттащить брата, но властная аура учителя сковала его на месте. Да и сам этот Фан Вэньли хорош — явно пользуется случаем, чтобы втереться в доверие!

Фан Вэньли окинул взглядом всех четверых детей и коротко выдохнул:

— Да.

Цинъя в восторге сжал кулачки:

— И когда же вы заберете его в свой дом?

— Почему бы вам самим не спросить у Сяо Юя, согласен ли он стать моим фуланом? — вкрадчиво предложил учитель.

Циншу так и замер на месте.

«Ну и дела! Выходит, он и впрямь положил глаз на старшего брата?»

— Обязательно спросим! — просиял малыш, хитро, точно мышонок, добравшийся до масла, закивав головой.

Тем временем Цинъюй расплатился за хлопок и докупил ниток в тон. Качественный хлопок стоил куда дороже грубого полотна, и за отрезы на четыре детских наряда пришлось выложить три ляна серебра. Хозяйка Хуа помогла аккуратно разрезать и упаковать покупку. Уложив свертки в заплочный короб, юноша попрощался с владелицей лавки и окликнул братьев.

— У нас еще есть дела, так что нам пора, — обратился он к Фан Вэньли, беря за руки младших.

— До встречи, — ответил тот.

Проводив их взглядом до самых дверей, Фан Вэньли обернулся к прилавку:

— Хозяйка, есть ли у вас ткань такого же цвета, но более высокого качества?

— В таком случае могу предложить только шелк.

— Подойдет.

После мануфактуры пришло время обеда. Стайка детей на улицах города была слишком приметной, поэтому им даже не пришлось искать таверну — посыльный от Тао Цзиня сам нашел их в толпе.

— Вы Тао Цинъюй? — уточнил он.

— Да, это я.

— Господин Тао прислал меня за вами.

Юноша ласково погладил малышей по головам:

— Идемте, сейчас ваш старший брат накормит вас чем-нибудь вкусеньким.

Лицо посыльного показалось Цинъюю знакомым — он уже видел его в таверне, поэтому без опаски повел братьев за ним. Они направились к Восточной улице, что у самого въезда в город, — именно там находилось заведение, где служил дядя Сяо Цзинь.

Едва переступив порог, они увидели знакомую фигуру за конторкой.

— Дядя Сяо Цзинь!

— Здравствуйте, дядя! — наперебой закричали дети.

Малыши облепили конторку, приподнимаясь на цыпочках, чтобы рассмотреть мужчину в халате-ланьшане. Тао Цзинь отложил кисть и тепло улыбнулся:

— Заждался я вас. Ступайте за посыльным на второй этаж, я уже заказал для вас столик. У меня сейчас много дел, так что заказывайте всё, что душа пожелает, не скромничайте.

Цинъюй довольно сощурился, сверкнув острыми зубками-тигрятами.

— Спасибо, дядя Сяо Цзинь!

Дети тут же подхватили:

— Спасибо, дядя Сяо Цзинь! — да так звонко, что у всех присутствующих на душе стало светлее.

<http://bllate.org/book/15858/1441699>